

Теофиль Готье

ЗОЛОТОЕ РУНО

ГЛАВА I

Тибурций был по — настоящему очень странный человек: в его странностях не было ничего нарочитого, и, приходя домой, он не сбрасывал их, как шляпу и перчатки; он был оригинальным в четырех стенах, без свидетелей, наедине с собой.

Но я прошу вас, не думайте, что Тибурций был просто смешон, что у него была какая-нибудь невыносимая для всех, навязчивая мания: он не ел пауков, не играл ни на каких инструментах, никому не читал стихов; это был уравновешенный, спокойный юноша, он говорил мало, слушал еще меньше, взор его из-под полуопущенных век, казалось, устремлен был всегда в глубь его души.

Он жил, примостившись в углу дивана, зарывшись в подушки, так же мало занятый текущими событиями, как тем, что происходит на луне. Немногие из имен существительных производили на него впечатление, и никто не был менее чувствителен к громким словам. Он нисколько не дорожил своими политическими правами и полагал, что в кабачке народ всегда свободен.

Его мысли о вещах отличались простотой; он любил безделье больше работы и предпочитал хорошее вино плохому и красивую женщину — безобразной; в естествознании он придерживался упрощенной классификации: съедобно и несъедобно. Он был до такой степени далек от человеческих забот и так рассудителен, что казался безумцем.

У него не было ни малейшей самовлюбленности, он не считал себя осью мироздания и прекрасно понимал, что земля может вертеться без его вмешательства; он ставил себя не выше акара¹ в сыре и угря в уксусе; лицом к лицу с вечностью и бесконечностью ему просто недоставало смелости быть тщеславным; так как он иногда заглядывал в микроскоп и телескоп, то не преувеличивал значения человека; он был ростом пять футов четыре дюйма, но думал, что жители Солнца могут быть ростом в восемьсот лье.

Таков был наш друг Тибурций.

Не следует, однако, на этом основании считать, что Тибурций был лишен страстей. Под пеплом его спокойствия тлело много горячих углей. Все же никто не мог назвать его постоянной любовницы, и он не очень-то ухаживал за женщинами. Тибурций, как почти все молодые люди нашего времени, не будучи по — настоящему поэтом или художником, прочел много романов и посмотрел много картин. Ленивый от природы, он предпочитал довольствоваться чужим мнением: он любил любовью поэта, смотрел глазами художника, знал больше портретов, чем лиц; действительность его отталкивала, и, живя среди книг и картин, он больше не воспринимал подлинной природы.

Самые известные красавицы казались ему безобразными рядом с мадоннами Рафаэля и куртизанками Тициана. Женщины в шляпах, платьях и накидках, любовником которых он мог бы стать, были вульгарны по сравнению с Лаурой Петрарки, Беатриче Данте, Гайде Байрона, Камиллой Андре Шенье; однако он не требовал идеала с крыльями из белоснежных перьев и ореолом вокруг головы; но

¹ Акар — мельчайший паразит, гнездящийся в некоторых пищевых продуктах.

изучение античной скульптуры, итальянских школ, знакомство с шедеврами искусства, чтение поэтов сделали его очень чувствительным к форме, и для него стало невозможным любить самую прекрасную душу на свете, если она не обладала плечами Венеры Милосской. Вот почему Тибуций ни в кого не был влюблен.

Его тяготение к красоте выражалось в бесчисленных статуэтках, гипсовых слепках, рисунках и гравюрах, покрывавших стены и загромождавших его комнату, которую обыватель счел бы весьма сомнительным обиталищем, так как здесь не было другой мебели, кроме упомянутого выше дивана да пестрых подушек, разбросанных по ковру. Так как у него не было секретов, то он обходился без секретера и не сомневался в неудобстве удобных комодов.

Тибуций мало бывал в свете не из-за дикости, а по не-брежности; он очень хорошо принимал друзей, но никогда не делал ответных визитов.

Был ли Тибуций счастлив? Нет! Но он не был несчастен. Хотя имел одно неудовлетворенное желание — одеваться в красное. Поверхностные люди обвиняли его в бесчувственности, а содержанки считали бездушным, но на самом деле у него было золотое сердце, а его жадность до красоты плотской выдавала внимательному взгляду, как горько был он разочарован в возможности обрести мир красоты духовной. Не найдя сладостного аромата, он искал изящный флакон; он не жаловался, не сочинял элегий, не носил траурных кружевных манжет, но было ясно, что в прошлом он страдал, был обманут, а любить бездумно не хотел. Так как гораздо труднее замаскировать тело, чем душу, он предпочитал физическое совершенство; но, увы! красивое тело встречается так же редко, как красивая душа. Кроме того, Тибуций, испорченный мечтаниями романистов, живя в пленительном идеальном обществе, созданном поэтами, пресыщенный шедеврами скульптуры и живописи, обладал презрительным и высокомерным вкусом, и то, что он принимал за любовь, было только восхищением артиста. Он обнаруживал, что линии тела его любовницы несовершенны, и даже не подозревал, что женщина для него — только натурщица.

Однажды, выкурив свой кальян, полюбовавшись триптихом «Леды» Корреджо в сетчатой рамке, повертев в руке последнюю статуэтку Прадье², взяв левую ногу правой рукой и правую левой, положив пятки на край камина и исчерпав тем самым все свои возможности развлечься, Тибуций вынужден был признаться самому себе, что он не знает, куда ему деваться, и что серая паутина скуки сползает со стен его комнаты, покрытой пылью дремоты.

Он спросил, сколько времени, ему ответили, что теперь без четверти час; это ему показалось окончательным и бесповоротным. Он оделся и принялся бродить по улицам; по дороге он понял, что у него в сердце пусто и ему необходимо «закрутить любовь», как говорят на парижском аргю.

Приняв это похвальное решение, он задал себе такие вопросы: «Полюблю ли я смуглую испанку с густыми бровями и волосами как смоль? Или итальянку с классическими чертами лица, у которой из-под янтарных век сверкает пламенный взгляд? Или хрупкую француженку с носиком Роксоланы³ и кукольной ножкой? Или рыжую еврейку с кожей, голубеющей, как небо, и зелеными глазами? Или негритянку, черную как ночь и лоснящуюся как новая бронза? Будет ли моя любовь блондинкой или брюнеткой? Вот в чем огромное затруднение».

Погруженный в эти мысли, он шел опустив голову и вдруг натолкнулся на что-то твердое: оно отскочило назад, испустив ужасное ругательство. Это «что-то» был один из его друзей-художников: они оба входили в музей.

² Прадье Жемс (1790 или 1792–1852) — французский скульптор.

³ Роксолана — рабыня, наложница султана Солимана II, мать Селима II.

Художник, большой поклонник Рубенса, останавливался преимущественно перед полотнами нидерландского Микеланджело, чрезвычайно заразительно и пламенно выражая свое восхищение. Тибурций, пресыщенный греческими линиями, римскими контурами, рыжеватыми тонами итальянских мастеров, наслаждался этими выпуклыми формами, атласной кожей, телами, цветущими как пышные букеты, всем этим сладострастным здоровьем, которое антверпенский художник красноватыми и голубыми жилками пролил под кожу изображенных им существ. С чувственным восторгом ласкал его взор прекрасные перламутровые плечи, бедра сирен в потоках золотых волос и морских жемчужин. Тибурций, в высокой степени обладавший способностью вживаться в самые разнообразные вещи, понимавший одинаково хорошо самые различные типы людей, был сейчас настоящим фламандцем, словно родился в польдерах и никогда не терял из виду порты Лилля и колокольни Антверпена.

«Итак, решено! — сказал он себе, выходя из галереи. — Я люблю фламандку».

Так как Тибурций был самым последовательным человеком на свете, он отлично рассудил, что фламандки встречаются во Фландрии чаще, чем в других местах, и что «на охоту за белокурой» необходимо ехать в Бельгию. Этот новый Ясон, ищущий другое золотое руно⁴, в тот же вечер занял место в брюссельском дилижансе, торопясь, словно банкрот, уставший от коммерческих дел с людьми, и чувствуя необходимость бежать из Франции, классической страны искусства, изящных манер и установлений для охраны торговли.

Через несколько часов Тибурций не без радости увидел на вывесках кабачков бельгийского льва в облике пуделя, одетого в бумазейные брюки, и неизбежную надпись «Verkoopt men dranken»⁵. На следующий вечер он гулял в Брюсселе на Магдаленаштрасс, поднимался на гору, поросшую огородной зеленью, любовался витражами святой Гудулы и вышкой ратуши и рассматривал не без волнения всех проходящих женщин.

Он встретил бесчисленное количество негритянок, мулаток, квартеронков, метисок, замбо, женщин желтых, бронзовых, зеленых, женщин цвета отворотов на сапогах, но ни одной блондинки; если бы было чуть — чуть жарче, он мог бы подумать, что находится в Севилье; все было налицо, даже черные мантильи.

Все же, возвращаясь к себе в гостиницу на Золотой улице, он заметил молодую девушку, темную шатенку, но она была некрасива; на следующий день он увидел еще у дворца Лаэкен англичанку с морковно — красными волосами в светло — зеленых ботинках; но она была худа, как лягушка, служившая барометром и просидевшая в банке шесть месяцев, и это не давало ей возможности достичь рубensoвского идеала.

Видя, что Брюссель был населен только андалузками со смуглой грудью, что легко объясняется долголетним испанским владычеством в Нидерландах, Тибурций решил ехать в Антверпен, предположив с некоторой долей вероятности, что близкие Рубенсу типы, которые он постоянно изображал на картинах, должны часто встречаться в его родном и нежно любимом городе.

Поэтому он отправился на вокзал железной дороги, ведущей из Брюсселя в Антверпен. Паровая лошадь уже съела свой овес — уголь, она фыркала от нетерпения и выдыхала со свистящим хрипом из пылающих ноздрей густые клубы

⁴ ...новый Ясон, ищущий другое золотое руно. — Греческий миф рассказывает о плавании Ясона к берегам Колхиды за золотым руном.

⁵ «Продажа напитков» (флам.).

белого дыма, смешанного с искрами. Тибурций вошел в свое купе, где неподвижно сидели, как каноники в капитуле, пять валлонцев, и состав двинулся.

Скорость сначала была умеренная: ехали не быстрее почтовой коляски по десяти франков за прогон, но вскоре лошадь разгорячилась и помчалась с невероятной, бешеной скоростью. Слева и справа придорожные тополи убежали, как разбитая армия, пейзаж становился смутным и затушевывался серой дымкой; сурепка и пестрые маки слегка расцветчивали золотыми и голубыми звездами черные полосы земли; время от времени хрупкий силуэт колокольни показывался на фоне клубящихся облаков и тотчас же исчезал, как корабельная мачта на бурном море; в глубине палисадников мелькали выкрашенные в светло — розовый или яблочно — зеленый цвет кабачки, увитые гирляндами дикого винограда или хмеля: то тут, то там водяные пятна, окруженные коричневым илом, рябили в глазах, как зеркальца ловушек для жаворонков. Между тем железное чудовище со все возрастающим шумом изрыгало кипящую воду; оно свистело, как астматик — кашалот, и горячий пот покрывал его бронзовые бока. Оно, казалось, жаловалось на безумную быстроту бега и просило пощады у своих черных возниц, которые пришпоривали его громадными лопатами торфа. Послышался шум сталкивающихся буферов и цепей: приехали!

Тибурций бесцельно бегал направо и налево, как заяц, которого только что выпустили из клетки: он пошел по первой попавшейся улице, потом по второй, по третьей, он смело углублялся в самое сердце старого города, ища прекрасную блондинку со страстной настойчивостью, достойной странствующего рыцаря былых времен.

Он видел много домов, окрашенных в мышино — серый, канареечно — желтый, светло — зеленый, светло — лиловый цвет, со ступенчатыми крышами, резными коньками, дверями с извилистым, выпуклым орнаментом, приземистыми колоннами, украшенными четырехугольными браслетами, как в Люксембурге, окнами в стиле Ренессанса со свинцовыми сетками, скульптурными масками, лепными балками и тысячью любопытных архитектурных деталей, которые во всех других случаях привели бы его в восторг; он едва бросил рассеянный взгляд на раскрашенных мадонн, на христов, держащих фонари у переулков, на деревянных или восковых святых с безделушками и мишурой, со всеми этими католическими эмблемами, которые кажутся столь странными для обитателей наших вольтериански настроенных городов. Другая забота овладела им: его глаза искали сквозь асфальтовую окраску закопченных окон какой-нибудь белый призрак женщины, милое и спокойное лицо брабансонки, румяное, как свежий персик, и улыбающееся в рамке золотых волос. Он видел только старых женщин, плетущих кружева, читающих молитвенники или следящих украдкой из своих уголков за редкими прохожими, отражающимися в стеклах их «шпионов» или в полированном свинцовом шарике, подвешенном к потолку.

Улицы были пустыней и молчаливей, чем в Венеции; ничто не нарушало тишины, кроме часов, на колокольнях различных

21*

627

церквей, звенящих на самые разнообразные тона в течение, по крайней мере, двадцати минут; мостовые, обрамленные бахромой травы, как у покинутых домов, показывали, как редки и немногочисленны здесь прохожие. Едва касаясь земли, как торопливые ласточки в полете, несколько женщин, закутанных в темный, ниспадающий складками шелк, чуть слышно скользили вдоль домов, иногда в сопровождении мальчика, несущего за ними собачку. Тибурций ускорял шаги, чтобы посмотреть на головки, спрятанные под тенью капюшонов, и видел худые и бледные лица со сжатыми губами, с темными кругами под глазами, скромно прячущимися подбородками и тонкими, настороженными носами, — настоящие лица римских

ханжей и испанских дуэний. Его пламенный взор встречал мертвый взгляд, взгляд вареной рыбы.

Переходя из квартала в квартал, из улицы в улицу, Тибурций вышел через арку порта на набережную Шельды. Великолепное зрелище заставило его вскрикнуть от удивления: бесчисленное количество мачт, снастей, рей на реке казалось каким-то безлистненным, оголенным лесом. Водорезы и антенны доверчиво опирались на перила набережной, как лошади, которые кладут морды на шеи своих соседей по упряжке; тут были голландские урки с красными парусами и выпуклым корпусом, вытянутые черные американские бриги с тонкими, точно шелковые нити, снастями; норвежские коффы цвета семги, источающие пронзительный аромат сосновых стружек, шаланды, сторожевые катера, бретонские солеварни, английские угольщики, корабли со всех концов света. Непередаваемый запах сушеной сельди, табаку, прогорклого сала, расплавленной смолы, к которому примешивался еще острый аромат с кораблей, пришедших из Батавии, груженных перцем, ванилью, имбирем, кошенилью, наплывал густыми клубами, как дым огромной курильницы, зажженной в честь коммерции.

Тибурций, надеясь найти в низших классах настоящий народный фламандский тип, входил в таверны и в кабаки; он пил там брюссельское пиво, ламбик, белое пиво Лувена, эль, портер, виски, стремясь одновременно познакомиться с северным Бахусом. Он курил также сигары разнообразных сортов, ел семгу, sauer Kraut⁶, желтую картошку, кровавый ростбиф и познал все удовольствия этого края.

Пока он обедал, немки с перекошенными лицами, смуглые, как цыганки, в коротких юбках и эльзасских чепчиках беспомощно пропищали у его стола жалостную Lied⁷ под аккомпанемент скрипки и других жалких инструментов. Белокурая немка, точно в насмешку над Тибурцием, намазалась так, чтобы казаться покрытой темным загаром; он бросил им в сердцах горсточку сантимов и получил в знак благодарности другую Lied, еще более визгливую и дикую, чем первая.

Вечером он походил по танцевальным залам посмотреть, как пляшут матросы и их любовницы; у всех этих женщин были роскошные черные, словно лаком покрытые, волосы, блестящие, как вороново крыло; очень красивая креолка йодсела к нему и, по обычаю страны, фамильярно пригубила из его стакана и попыталась завязать с ним беседу на очень хорошем испанском языке, так как родом была из Гаванны; у нее были такие бархатные глаза, такая горячая золотисто — белая кожа, такая маленькая ножка, такая тонкая талия, что Тибурций в отчаянье послал ее ко всем чертям, что очень поразило бедное создание, не привыкшее к подобному обращению.

Совершенно нечувствительный к смуглым прелестям танцовщиц, Тибурций удалился в свой отель «Брабантский герб». Очень недовольный, он разделся, завернулся, как мог, в камчатные скатерти, служащие во Фландрии простынями, и вскоре заснул сном праведника.

Ему снились самые белокурые сны на свете.

Нимфы и аллегорические фигуры из галереи Медичи, легкомысленно полуодетые, посетили его ночью; они нежно смотрели на него большими голубыми глазами и дружески улыбались яркими губами, похожими на красные цветы на молочной белизне их круглых, пухлых лиц. Одна из них, Нереида с картины «Путешествие королевы», дошла до того, что запустила в волосы спящего замороженного любовника свои красивые тонкие, слегка окрашенные кармином

⁶ Кислую капусту (нем.).

⁷ Песню (нем.).

пальцы. Складки узорчатой парчи искусно скрывали уродство чешуйчатых ног, заканчивающихся раздвоенным хвостом; ее белокурые волосы были украшены водорослями и кораллами, как и подобает дочери моря: она была обольстительна. Группы детей с пухлыми и красными, как розы, щеками плавали в сияющем воздухе, поддерживая гирлянды ослепительно сверкающих цветов, и лили с неба дождь ароматов. По знаку Нереиды нимфы разместились в два ряда, связали концы своих длинных рыжих волос, создав нечто вроде золотой сетки для счастливого 7 и- бурция и его возлюбленной с рыбьими плавниками; они улеглись в нее, и нимфы убаюкивали их, слегка покачивая головой в такт бесконечно нежной мелодии.

Внезапно раздался резкий шум, золотые нити порвались, и Тибурций покатился на землю. Он открыл глаза и увидел только устрашающую бронзовую физиономию, уставившую на него большие эмалевые глаза: казалось, это были одни белки.

— Mein Herr⁸, вот ваш завтрак, — сказала старая негритьянка — готтентотка, служанка отеля, ставя на столик поднос с посудой и серебром.

— Ну и дела! Мне надо было поехать в Африку, чтобы найти блондинок! — пробормотал Тибурций, с отчаянием принимаясь за бифштекс.

ГЛАВА II

Как следует позавтракав, Тибурций вышел из отеля «Брабантский герб» с твердым и похвальным намерением продолжать поиски своего идеала. Ему посчастливилось не больше, чем вчера; темноволосая ирония, появляясь на всех улицах, посылала ему лукавые и насмешливые улыбки: Индия, Африка, Америка проходили перед ним в более или менее бронзовых обликах; можно было подумать, что сей достойный город, зная его намерения, в насмешку прятал в глубине своих непроницаемых задних дворов и за самыми темными стеклами всех тех своих дочерей, которые могли бы напомнить лица Иорданса⁹ и Рубенса: скупясь на золото, он предлагал черное дерево.

Оскорбленный этим молчаливым издевательством, Тибурций, чтобы избавиться от него, пошел в музеи и картинные галереи. Фламандский Олимп снова засверкал перед его глазами. Потоки волос потекли мелкими рыжими волнами, отсвечивая золотом в лучах солнца; плечи аллегорических дев, оживляя их серебристую белизну, сверкали живей, чем всегда; лазурь глаз становилась прозрачнее, юные щеки расцветали, как пучки гвоздик; розовая дымка согревала голубоватую бледность колен, локтей и пальцев этих белокурых богинь, сверкающие переливным атласом пятна света, красноватые отблески, играя, скользили по круглым и полным телам; сизые драпировки, вздуваясь от дыхания невидимого ветра, запорхали в лазурной дымке; свежая плотская поэзия нидерландского искусства полностью открылась нашему вдохновенному путешественнику.

Но красавицы на полотнах не удовлетворяли его. Он приехал, чтобы найти живые, реальные образы. Достаточно долго питался он поэзией, написанной и нарисованной, и теперь ясно понял, что общение с абстракциями не очень насыщает. Конечно, было бы гораздо проще остаться в Париже, стать, как все, любовником хорошенькой или даже некрасивой женщины; но Тибурций не понимал природы и умел воспринимать ее только в переводах. Он великолепно понимал все типы, воспроизведенные в творениях мастеров, но он бы не заметил их, если бы они

⁸ Господин (нем.).

⁹ Иорданс Якоб (1593–1678) — выдающийся фламандский живописец, творчески связанный с мастерской Рубенса.

встретились на улицах или в освещенных гостиных; одним словом, если бы он был художником, он бы рисовал виньетки к стихам поэтов, если бы он был поэтом, он бы писал стихи к картинам художников. Искусство овладело им еще в очень юном возрасте, совратило и испортило его; эти черты присущи нашей слишком утонченной цивилизации гораздо больше, чем кажется, мы чаще встречаемся с произведениями людей, чем с произведениями природы.

Одно мгновение у Тибурция возникла мысль схитрить с самим собой, и он сказал себе трусливую, неискреннюю фразу: «Каштановый цвет волос — красивый цвет». Негодяй, подлец, Фома неверный, он дошел даже до того, что признал черные глаза очень живыми и весьма приятными. В оправдание его нужно все же сказать, что он безрезультатно обошел все уголки города, который с полным основанием мог считаться городом блондинок. Некоторое разочарование было ему простительно.

В то время как он произносил про себя эти кощунственные слова, чьи глаза, то прелестные голубые глаза, прячущиеся в мантилью, блеснули ему и исчезли, как блуждающий огонек, где-то на углу площади Мейр.

Тибурций ускорил шаг, но ничего не увидел; улица на всем протяжении была пуста: несомненно, беглый призрак вошел в один из соседних домов или скрылся в каком-нибудь неведомом переулке; разочарованный Тибурций, посмотрев на колодец, украшенный железными завитками, выкованными Квентин — Метцисом, художником — чеканщиком, решил, так как ему не представлялось ничего лучшего, посмотреть собор, отвратительно вымазанный сверху донизу канареечно — желтой клеевой краской. К счастью, резная кафедра работы мастера Вербруггена¹⁰, с орнаментом из птиц, белок, индюков, распутивших хвосты, и со всем этим звериным миром, окружавшим Адама и Еву в земном раю, искупала грубую окраску стен тонкостью граней, изобретательностью деталей; к счастью, гербы дворянских семейств, картины Отто Вениуса¹¹, Рубенса и Ван Дейка отчасти скрывали эту безвкусицу, столь любимую буржуазией и духовенством.

Несколько святош молились в разных местах церкви; но они проявляли столь пламенное благочестие, низко склоняя лица над молитвенниками с красным обрезом, что было трудно различить их черты. Кроме того, место было святое, женщины эти казались старухами, и Тибурцию расхотелось продолжать здесь свои поиски.

Пять или шесть англичан, задышавшихся после подъема и спуска по четырестам семидесяти ступеням колокольни, напоминавшей альпийский пик, так как во все времена года она покрыта белоснежным голубиным пометом, рассматривали картины и, только наполовину доверяя эрудиции своего болтливового гида, искали в путеводителе имена мастеров, боясь восхититься одним произведением вместо другого; они с неколебимым равнодушием повторяли перед каждым полотном: «It is a very fine exhibition».¹²

У англичан были квадратные лица; огромное расстояние между носом и подбородком свидетельствовало о чистоте их расы. Бывшая с ними дама оказалась той самой англичанкой, которую Тибурций уже видел около дворца Лаэкен: те же зеленые ботинки и те же красные волосы. Тибурций, отчаявшись найти белокурую Фландрию, собирался было уничтожить англичанку испепеляющим взглядом, но

¹⁰ Вербругген. — Очевидно, здесь имеется в виду Филипп Вербругген, бельгийский скульптор и резчик по дереву XVII в.

¹¹ Вениус Отто (Оттавио ван Веен, 1558—1629) — фламандский живописец, один из учителей Рубенса.

¹² Что за прекрасная выставка (англ.).

куплеты из водевиля, направленные против коварного Альбиона, вовремя пришли ему на память.

В честь этой столь очевидно британской компании, которая двигалась только под звон гиней, церковный сторож открыл ставни, три четверти года закрывающие две чудесные картины Рубенса: «Распятие» и «Снятие с креста».

«Распятие» — это совсем особая картина. Рубенс, создавая ее, думал о Микеланджело. Рисунок жесткий, дикий, резкий, как у мастеров римской школы; все мускулы выделяются сразу, все кости и все сухожилия выступают, железные нервы приподнимают гранитные тела. Здесь нет веселого багрянца, который художники Антверпена беззаботно рассыпают по своим бесчисленным полотнам, это самый густой итальянский бистр; палачи- великаны слоновьего сложения с тигровыми мордами и в позах, выдающих животную свирепость; сам Христос, не менее гиперболизированный, скорее напоминает Милона Кротонского¹³, прибитого к деревянной кобыле атлетами — соперниками, чем бога, добровольно жертвующего собой для спасения человечества. О Фландрии здесь напоминает только громадный пес Снейдерса¹⁴, лающий в углу картины.

Когда ставни «Снятия с креста» открылись, Тибуций почувствовал ослепляющее головокружение, точно он заглянул в светящуюся бездну; чудесная голова Магдалины победно сверкала в океане золота и, казалось, освещала лучами своих глаз серый, тусклый воздух, просачивающийся через готические окна. Все исчезло вокруг него; образовалась пустота; он не видел больше ни квадратных англичан, ни рыжей англичанки, ни лилового сторожа.

Созерцание этого лица было для Тибуция откровением свыше; пелена спала с его глаз, он был лицом к лицу со своей тайной мечтой, со своей невысказанной надеждой: неуловимый образ, который он искал со всем пылом влюбленного воображения, случайно улавливая только профиль и тотчас же исчезающую последнюю складку платья; капризная и пугливая химера, всегда готовая взмахнуть беспокойными крылами, была тут, перед ним: этот образ уже не ускользал от него, недвижно сиял перед ним в ореоле своей красоты. Великий мастер словно нарисовал отраженную в его сердце, предчувствуемую и желанную влюбленную; Тибуцию казалось, что он сам написал эту картину, гениальная кисть нарисовала твердо, крупными штрихами то, что он смутно представлял себе, и облекла великолепными красками его беспредметную, туманную фантазию. Он узнавал эту голову, которой, однако, никогда раньше не видел.

Тибуций стоял безмолвный, поглощенный, бесчувственный, как человек, охваченный каталепсией; веки его не шевелились, взгляд потонул в бездонном взоре кающейся.

Нога Христа, белая, обескровленная, чистая и матовая, как облатка причастия, скользила по светлому плечу святой, как по подставке слоновой кости, установленной здесь великим мастером, чтобы снять тело бога с древа искупления.

Тибуций почувствовал ревность к Христу. Ради такого счастья он бы охотно претерпел муки. Синеватая бледность тела распятого мало успокаивала его. Он был глубоко обижен тем, что Магдалина не обратила к нему своего влажного, блестящего взора, в котором сверкали бриллианты солнечного света и жемчуг скорби; скорбная и страстная напряженность этого взгляда, обволакивающая тело саваном нежности, казалась Тибуцию оскорбительной и глубоко несправедливой к нему. Он хотел бы, чтобы чуть заметное движение дало бы ему понять, что она тронута его любовью; он

¹³ Милон Кротонский — знаменитый греческий атлет, живший ок. 520 г. до н. э.

¹⁴ Снейдерс Франс (1579–1657) — фламандский живописец, анималист и пейзажист.

уже забыл, что перед ним картина, так легко страсть воодушевляет своим пылом даже предметы, не способные ее чувствовать. Пигмалион должен был удивляться тому, что его статуя не отвечает лаской на ласку. Тибурций был не менее подавлен равнодушием своей нарисованной на картине возлюбленной.

Стоя на коленях в своем зеленом шелковом платье, лежащем крупными, глубокими складками, она продолжала смотреть на Христа с выражением скорбным и страстным, как любовница, стремящаяся запечатлеть в своем сознании черты обожаемого лица, которое ей не придется больше увидеть; ее волосы развевались по плечам сверкающей бахромой; случайно заблудившийся луч солнца подчеркивал горячую белизну ее рубашки и золотистый мрамор рук; при колеблющемся свете грудь ее точно подымалась и трепетала в некоем подобии жизни; слезы на ее глазах таяли и струились, как настоящие.

Тибурцию казалось, что вот она встанет и сойдет с картины.

Внезапно наступила темнота: видение исчезло. Англичане ушли, сказав: «Very well. A pretty picture»¹⁵, и церковный сторож, которому надоело долгое созерцание Тибурция, хлопнул ставни и попросил обычного вознаграждения. Тибурций отдал ему все, что у него было в кармане; любовники щедры с дуэньями— антверпенский церковный сторож был дуэньей Магдалины, и Тибурций, уже думая о следующем свидании, стремился расположить его в свою пользу.

Колоссальный святой Христофор и отшельник, несущий фонарь, нарисованные с наружной стороны ставен, сами по себе весьма замечательные, не могли утешить Тибурция, раз перед ним закрылся ослепительный алтарь, где гений Рубенса блистает, как дароносица, украшенная драгоценными камнями.

Тибурций вышел из церкви, унося в сердце зубчатую стрелу неосуществимой любви: он наконец нашел возлюбленную, которую искал, но был наказан тем, в чем грешил: он слишком любил живопись и теперь был обречен любить картину. Природа, забытая ради искусства, жестоко мстила ему; самый робкий поклонник, влюбленный в самую добродетельную женщину, всегда лелеет в глубине сердца пугливую надежду: Тибурций же не сомневался, что его возлюбленная устоит перед ним, и великолепно знал, что никогда не будет счастлив; поэтому его страсть и была настоящей страстью, необычайной, безумной, способной на все; изумительнее всего было в ней бескорыстие.

Не смейтесь чересчур над любовью Тибурция: разве мало встречается людей, безумно влюбленных в женщин, которых они видели только в рамке театральной ложи, которым не сказали ни одного слова и не слышали даже звука их голоса? Разве эти люди рассудительнее нашего героя и их неприкосновенный идол разве стоит антверпенской Магдалины?

Тибурций шел с таинственным и гордым видом, как влюбленный, возвращающийся с первого свидания. Яркость испытываемого им чувства приятно удивляла его — он, всегда живший разумом, ощущал свое сердце: это было ново; и он целиком отдавался очарованию свежего чувства; живая женщина не взволновала бы его до такой степени. Человек искусства мог быть взволнован только чем-нибудь искусственным: в этом была гармония; правда жизни не создала бы ее. Тибурций, как мы уже говорили, много читал, много видел, много думал и мало чувствовал: его фантазии были исключительно рассудочны; страсть никогда не спускалась ниже галстука; в этот раз он был влюблен по — настоящему, как подросток — школьник; ослепительный образ Магдалины витал перед ним светящимися пятнами, как если бы он смотрел на солнце; самая маленькая складочка, самая незаметная деталь отчетливо рисовались в его памяти, картина все

¹⁵ Очень хорошо, Красивая картина (англ.).

время стояла у него перед глазами. Мысленно он совершенно серьезно изыскивал способ оживить эту бесчувственную красоту и заставить ее выйти из рамы; он думал о Прометее, похитившем небесный огонь, чтобы дать душу неподвижному творению; о Пигмалионе, нашедшем способ смягчить и согреть мрамор; у него была мысль погрузиться в бездонный океан оккультных наук, чтобы открыть такое могучее волшебство, которое могло бы дать жизнь и плоть этому неосозаемому видению. Он бредил, он сошел с ума; это и доказывает, что он был влюблен.

Разве вы сами, и не доходя до такой степени экзальтации, не были охвачены чувством невыразимой грусти в галерее старинных мастеров, при мысли об исчезнувших красавицах, изображенных на их картинах? Разве вам не хотелось оживить все эти бледные, молчаливые лица, точно грустно мечтающие о чем-то на ультрамариновом или угольно — черном фоне? Эти глаза, искрящийся взгляд которых живее блестит под покровом ветхости, срисованы с юной принцессы или прекрасной куртизанки, от которых теперь не осталось ничего, даже горсточки праха; эти губы, полуоткрытые нарисованной улыбкой, напоминают о настоящей, навсегда погасшей улыбке. Действительно, как жаль, что женщины Рафаэля, Корреджо, Тициана — только неосозаемые тени, и почему сами модели не получили такое же право на бессмертие, как их изображение? Сераль самого сладострастного султана ничто по сравнению с тем, который можно собрать из нарисованных одалисок, и, конечно, очень жаль, что столько красоты погибло.

Каждый день Тибурций ходил в собор и погружался в созерцание своей возлюбленной Магдалины, и каждый день он возвращался все более печальный, более влюбленный, более безумный, чем раньше. Ведь даже если не говорить о картинах, много благородных сердец пережили страдания нашего друга, поклоняясь какому-нибудь бесчувственному идолу и стремясь вдохнуть свою душу в существо, у которого жив только внешний облик и которое не больше, чем нарисованная фигура, сознает, какую страсть оно возбудило.

С помощью сильного бинокля наш влюбленный изучал эту красоту вплоть до самых незаметных черточек. Он восхищался тонкостью фона, мощью и гибкостью мазка, смелостью кисти, выразительностью рисунка так же, как иной восхищается бархатистостью кожи, белизной и румянцем живой возлюбленной: под предлогом необходимости исследовать работу художника на более близком расстоянии, он достал лестницу у своего друга сторожа и, весь трепеща от любви, осмелился дотронуться дерзкой рукой до плеча Магдалины. И его очень удивило, когда вместо мягкой шелковистости женского плеча он нашел только жесткую и грубую, как наждачная бумага, поверхность, морщинистую от мазков, нанесенных в разных направлениях необузданной кистью пылкого художника. Это открытие очень опечалило Тибурция, но как только он спустился вниз, иллюзия вновь завладела им.

Тибурций провел в состоянии трансцендентального лиризма более пятнадцати дней, иступленно протягивая руки к своей химере, умоляя о небесном чуде. В минуты просветления он решался искать в городе какое-нибудь существо, приближающееся к его идеалу, но поиски эти не привели ни к чему: не так просто найти на улицах и бульварах подобный алмаз красоты.

Однажды вечером он еще раз уловил на углу площади Мейр пленительный голубой вз. ор, о котором мы говорили; на этот раз видение исчезло не так быстро, и Тибурций успел увидеть очаровательное лицо, обрамленное густыми прядями белокурых волос, простодушную улыбку на самых свежих в мире губках. Женщина эта, услышав, что за ней идут, ускорила шаг, но Тибурций, держась на расстоянии, мог увидеть, как она остановилась у хорошего старого фламандского дома, скромного, но почтенного вида. Так как ей открыли не сразу, она на мгновение обернулась, повинувшись смутному инстинкту женского кокетства и желая посмотреть, не был ли незнакомец обескуражен тем, что она заставила его пройти такой долгий

путь. Тибурций, точно озаренный внезапным светом, заметил, что она поразительно похожа на Магдалину.

ГЛАВА III

Дом, куда ускользнула гибкая фигурка, казалось дышал чисто фламандским патриархальным уютом; окраска его была бледно — розовая с узкими белыми полосками, изображающими соединения камней; зазубренный щипец наподобие лестничных ступенек, крыша, прорезанная спиральными слуховыми окошечками, верхний косяк двери, представляющий с совершенно варварской наивностью историю Ноя, высмеянного сыновьями, гнездо аиста, голуби, чистящиеся на солнце, — все это завершало сбший вид дома, который можно было бы принять за какую-нибудь фабрику из тех, что так часто встречаются на картинах Ван — дер — Гейдена¹⁶ и Тенирса¹⁷.

Несколько веточек хмеля смягчали своей веселой болтовней все, что было строгого и чистого в его внешнем облике. Решетки, изогнутые наподобие торчащего живота, замыкали окна нижнего этажа, и за двумя первыми стеклами оконного переплета виднелись тюлевые прямоугольники, усыпанные, по брюссельской моде, большими вышитыми букетами; в пространстве, образованном выпуклостью железных прутьев, свободно стояли два китайских фаянсовых горшка с пестрыми гвоздиками довольно чахлого вида, хотя очевидно было, что хозяева о них заботятся; их томные головки поддерживались игральными картами и довольно сложной системой крохотных сооружений из ивовых веточек. Тибурций отметил эту деталь, указывавшую на скромную, целомудренную жизнь, целую поэму молодости и чистоты.

Так как после двух часов ожидания он не заметил, чтобы прекрасная Магдалина с голубым взглядом вышла оттуда, он совершенно справедливо решил, что она, наверное, здесь живет, — это и было так; оставалось узнать ее имя, положение в обществе, завязать с ней знакомство и влюбить ее в себя — действительно, совсем пустяки. Профессиональный ловелас не тратил бы на это и пяти минут, но славный Тибурций не был ловеласом, напротив: он был смел в мыслях и робок в действиях, ему было трудней всего перейти от общего к частному, и в делах любви для него было самой настоятельной необходимостью иметь честного Пандаруса¹⁸, который бы восхвалял его совершенства и устраивал ему свидания. Раз начав, он умел быть красноречивым; он мог с достаточным апломбом произнести томную тираду и изображал влюбленного, по крайней мере, так же хорошо, как провинциальный актер, играющий первого любовника; но, в противоположность Пети — Жану¹⁹, обвинителю собачки Ситрон, меньше всего ему удавалось начало.

Таким образом, мы должны признаться, что добрый Тибурций плавал в море неопределенности и, чтобы приблизиться к своему божеству, придумывал тысячи

¹⁶ Ван — дер — Гейден (1637–1712) — голландский пейзажист.

¹⁷ Тенирс Давид, старший (1582–1649) — знаменитый фламандский художник.

¹⁸ ...и в делах любви... иметь честного Пандаруса... — В греческой мифологии Пандарус — олицетворение бесчестия и воровства.

¹⁹ Пети — Жан — персонаж комедии Расина «Сутяги», привратник судьи. В комедии изображается суд над псом Ситроном, укравшим каплуна; Пети — Жан выступает обвинителем собаки.

военных хитростей, более искусных, чем можно найти у Полибия²⁰. Не изобретая ничего подходящего, он, как Клеофас в «Хромом бесе»²¹, подумывал было поджечь дом, чтобы иметь случай вырвать свою инфанту из моря огня и доказать ей таким образом свое мужество и преданность; но он подумал, что любой пожарный, больше чем он привыкший бегать по раскаленной штукатурке, может его заменить и что подобный способ знакомиться с хорошенькой женщиной предусмотрен уголовным кодексом.

В ожидании лучшего, он очень отчетливо запечатлел в своем мозгу очертания жилища, запомнил название улицы и вернулся в свою гостиницу скорее довольный, так как ему показалось, что в окне сквозь тюлевую занавеску неясно вырисовывался прелестный силуэт незнакомки и маленькая ручка отодвинула край прозрачной ткани, несомненно, для того, чтобы убедиться в доблестном упорстве незнакомца, стоящего на страже на углу пустынной улицы Антверпена безо всякой надежды, что его сменят. Было ли это самомнением со стороны Тибурция или одной из тех любовных удач, якобы выпадающих на долю близоруких, которые принимают белье, повешенное на перекладину, за шарф Джульетты, склонившейся к Ромео, а горшки с левкоем — за принцесс в платьях из золотой парчи? Во всяком случае, он удалился в очень радостном настроении, считая себя весьма победоносным соблазнителем. Хозяйка гостиницы «Брабантский герб» и ее черная служанка были удивлены видом Гамилькара или главного барабанщика, который он на себя напустил. Тибурций очень решительно зажег сигару, положил ногу на ногу и с великолепной небрежностью смертного, презирающего весь мир и знающего радости, неизвестные обыкновенным людям, начал подбрасывать носком ноги свою домашнюю туфлю. Он наконец нашел белокурую. Ясон был не более счастлив, снимая с заколдованного дерева чудесное руно.

Наш герой находился в самом завидном положении: во рту — настоящая гаванская сигара, на ногах — домашние туфли, на столе — бутылка рейнского, газеты за прошлую неделю и прелестный маленький томик — контрафакция²² стихотворений Альфреда де Мюссе.

Он может выпить стаканчик или даже два токайского, почитать «Намуну»²³ или рецензию на последний балет; нет, следовательно, ничего плохого в том, что мы его оставили одного да несколько минут. Мы даем ему возможность разогнать скуку, если влюбленный способен скучать. Мы вернемся без него, ибо он — то не откроет нам дверей в маленький домик на улице Кипдорп, и уж как — нибудь представимся сами. Мы дадим вам заглянуть за вышитый тюль низенького окошка, а для начала сообщим, что героиня этого рассказа живет на первом этаже, что ее зовут Гретхен, и хотя это имя не столь благозвучно, как Этельвина или Азелия, но для немецких и голландских ушей оно звучит достаточно нежно.

Войдите, заботливо вытерев ноги, так как здесь деспотически господствует фламандская чистота. Во Фландрии лицо моют только раз в неделю, зато полы ошпариваются и дочиста выскабливаются два раза в день. Паркет коридора, как и остальных комнат дома, сделан из сосновых досок; они сохраняют свой естественный тон, и никакая краска не мешает видеть их длинные бледные прожилки

²⁰ Полибий (ок. 201 до н. э. — ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк.

²¹ ...как Клеофас в «Хромом бесе». — Имеется в виду персонаж романа Лесажа.

²² то есть выпущенный без ведома и разрешения автора.

²³ «Намуна» — поэма Альфреда де Мюссе.

и звезды сучков; он посыпан тонким слоем заботливо просеянного морского песка — песчинки задерживают ногу и мешают поскользнуться, что так часто бывает в наших гостиных, где люди скорее скользят, как на коньках, чем идут. Комната Гретхен направо, в нее ведет вот эта дверь скромного, серого цвета, медная ручка которой, начищенная трепелем²⁴, блестит как золотая; оботрите еще раз подошвы о тростниковый коврик; даже император не вошел бы сюда в заляпанных грязью ботинках.

Полюбуйтесь одно мгновение этим милым спокойным мирком; ничто здесь не бросается в глаза: все спокойно, строго, приглушено; даже комната самой Маргариты²⁵ не могла бы произвести более меланхолически девственного впечатления: все детали этой умирительной чистой обстановки словно излучают безмятежность невинности.

На стенах коричневого тона, обитых на метр от пола дубовыми панелями, нет других украшений, кроме раскрашенной гипсовой Мадонны в тростниковом венке, с ожерельем из стеклянных бус, одетой в платье, точно кукла, и обутой в шелковые туфельки, да перед нею двух вазочек с искусственными цветами. В глубине комнаты, в самом темном углу, возвышается старинной формы кровать со столбиками, украшенная занавесками из зеленой саржи и оборкой с большими зубцами, вышитой желтыми галунами; в изголовье — распятие; нижняя часть его образует кропильницу, а руки Христа из слоновой кости словно охраняют сон девственницы.

Имеется в комнате и сундук, так хорошо вычищенный, что в нем, как в зеркале, отражаются предметы, стоящие против света. Стол с кручеными ножками, поставленный у окна, завален клубками, мотками ниток и всеми приспособлениями, нужными кружевнице; большое ковровое кресло, несколько стульев со спинками в стиле Людовика XIII, какие можно встретить на старых гравюрах Авраама Босса²⁶ — вот и вся меблировка, почти пуританская по простоте.

Все же мы должны добавить, что Гретхен, какой бы целомудренной она ни была, позволила себе роскошь иметь зеркало граненого венецианского стекла в раме из черного дерева, инкрустированного бронзой. Правда, суетность этого предмета приглушена тем, что за край его заткнута веточка освященного самшита.

Представьте себе Гретхен, сидящую в большом ковровом кресле: ноги она поставила на вышитую собственноручно скамеечку, волшебные пальчики ее сплетают и расплетают тончайшую сетку начатого кружева; прелестная головка, склонившаяся над работой, освещена снизу тысячью беглых отблесков, которые нежными, ускользящими красками серебрят окутывающий ее прозрачный сумрак, хрупкое цветение юности покрывает бархатом чрезмерно по — голландски здоровый румянец ее щек, чьей свежести не может умалить светотень; свет, не щедро проникающий через верхние стекла, придает шелковистый блеск ее лбу, и, словно легкие золотые пружинки, загораются от него не покорные гребню кудряшки.

Дайте лучу солнца внезапно скользнуть по карнизу и сундуку, бросьте блестящий мазок на медь пузатых горшков, придайте желтый оттенок распятию, углубите резкие, прямые складки саржевых занавесей, сделайте коричневой, по — модному, синеватую бледность витражей, поставьте в глубине старую Барбару с метлой в руках, сосредоточьте весь свет на головке и руках молодой девушки, и у вас

²⁴ Трепель — красновато — желтая глина, пригодная для чистки металлических предметов.

²⁵ Имеется в виду героиня «Фауста» Гете.

²⁶ Авраам Босс (1605–1676) — известный французский гравер, автор многих сочинений по теории и практике рисунка и гравюры.

будет фламандское полотно лучших времен, которое не отказались бы подписать ни Терборх²⁷, ни Каспар Нетшер²⁸.

Какая разница между этим мирком, таким ясным, таким чистым, так легко доступным пониманию, и комнатой молодой француженки, где всегда столько тряпья, разбросанных нот, начатых акварелей, где все вещи не на месте, где смятые платья висят на спинках стульев, где домашняя кошка старается когтями прочесть упавший на пол роман! А здесь — как хрустально прозрачна вода, в которой стоит наполовину опавшая роза, как белоснежно белье, как светла стеклянная посуда! Не пролетит ни одна пылинка, не пристанет ни одна шерстинка.

Метсю, который рисовал в павильоне, расположенном посреди водоема, чтобы сохранить свежесть красок, мог бы вполне спокойно работать в комнате Гретхен. Чугунная доска в глубине камина блестит, как серебряный барельеф.

Теперь нас охватил страх. В такой ли героине нуждается наш герой? Действительно ли Гретхен воплощает идеал Тибуция? Разве все это не слишком мелко, слишком по — мещански практично? Здесь, пожалуй, больше тиично голландского, чем фламандского, — и считаете ли вы по совести, что натурщицы Рубенса были такими? Скорее это были веселые кумушки, румяные, дородные, вызывающе здоровые простые женщины с развязными движениями, и только гений живописна преобразил повседневную реальность. Великие художники часто разыгрывают с нами подобные штучки. Самую незначительную местность они превращают в пленительный пейзаж, обыкновенную служанку — в Венеру; они копируют не то, что видят, но то, к чему стремятся.

Между тем Гретхен, хотя и более нежная, более хрупкая, действительно очень похожа на Магдалину из антверпенского собора, и фантазию Тибуция здесь не постигнет разочарование. Ему трудно будет найти более совершенное тело для воплощения призрака его нарисованной возлюбленной.

Теперь, зная, как и мы, Гретхен и ее комнату — птичку и гнездо, вы, конечно, захотите узнать кое — какие подробности о ее жизни и положении. История эта — самая простая: Гретхен, дочь мелких торговцев, которым не повезло, уже несколько лет назад осиротела. Она живет с Барбарой, старой преданной служанкой, на маленькую ренту, осколки отцовского наследства, и на собственные заработки; так как Гретхен сама плетет кружева и шьет себе платья, так как даже среди фламандцев она сlyвет за чудо опрятности и чистоты, то она, будучи простой работницей, может одеваться достаточно элегантно и не отличаться от девушек из буржуазных домов: у нее тонкое белье, чепчики блистают белизной, сапожки — лучшие в городе; ибо, пусть даже эта деталь не понравится Тибуцию, мы должны признать, что у Гретхен ножка андалузской графини, и она соответственно этому обувается. В конце концов — это хорошо воспитанная девушка: она умеет читать, мило пишет, умеет вышивать всевозможными способами, не имеет соперниц в работах иголкой и не играет на рояле. Прибавим, что вместо этого она изумительно печет сладкие грушевые пироги, тушит карпов и делает печенье из крутого теста, ибо, подобно всем хорошим хозяйкам, гордится своим кулинарным мастерством и умеет готовить по особым рецептам разнообразнейшие и изысканнейшие лакомства.

Все эти детали покажутся не очень аристократическими, но героиня наша не какая-нибудь княгиня из дипломатического мира, не очаровательная тридцатилетняя женщина, не модная певица; это просто обыкновенная работница с улицы Кипдорп, недалеко от антверпенского вала. Но так как в наших глазах

²⁷ Терборх Герард (1617–1681) — знаменитый голландский живописец-жанрист.

²⁸ Каспар Нетшер (1639–1684) — голландский художник — портретист.

единственное подлинное достоинство женщин это их красота, Гретхен равнялась герцогине с правом на табурет²⁹, и мы засчитаем ей ее шестнадцать лет за шестнадцать поколений дворянства.

В каком состоянии было сердце Гретхен? В самом удовлетворительном; она никогда никого не любила, кроме горлиц цвета кофе с молоком, золотых рыбок и других мелких животных, столь невинных, что даже самый свирепый ревнивец не

64J

стал бы беспокоиться. Каждое воскресенье она ходит к обедне в иезуитскую церковь, скромно закутавшись в свой фай, сопровождаемая Барбарой, несущей ее молитвенник, потом, вернувшись, перелистывает библию, в которой бог — отец изображен в одежде императора и где гравюры на дереве в тысячный раз вызывают ее восхищение. Если погода хорошая, она идет гулять в сторону форта Лилло или «Фландрской головы» в обществе молодой девушки ее возраста, тоже кружевницы. На неделе она выходит только для того, чтобы отнести работу, и то чаще всего это берет на себя Барбара.

Девушка шестнадцати лет, никогда не знавшая любви, — явление невозможное в более жарком климате; но воздух Фландрии, отяжеленный пресными испарениями каналов, не слишком возбуждающе действует на чувственность; цветы здесь расцветают поздно и появляются жирными, плотными, мясистыми; их запах, насыщенный влажностью, напоминает запах ароматической настойки; фрукты водянисты; земля и небо, пресыщенные влагой, словно отталкивают друг к другу пары, которых не в состоянии поглотить и которые солнце напрасно пытается впитать своими бледными губами; женщинам, погруженным в эту ванну тумана, нетрудно быть добродетельными, ибо, согласно Байрону, плутяга — солнце — великий соблазнитель, одержавший больше побед, чем Дон — Жуан.

Нет ничего удивительного в том, что Гретхен в подобной нравственной атмосфере осталась чуждой всякой мысли о любви, даже в форме брака, указанной и дозволенной, если считать брак именно такой формой любви. Ока не читала не только плохих романов, но даже и хороших; у нее не было ни одного мужчины — родственника, кузена или троюродного брата.

Счастливый Тибурций! Кроме того, матросы и их короткие трубки с нагаром, капитаны дальнего плавания, бесцельно слоняющиеся во время отпуска, достопочтенные торговцы, отправляющиеся на биржу и мысленно перебирающие цифры под нахмуренным лбом, чьи беглые силуэты, скользящие вдоль стен, мелькают в «шпионе» Гретхен, — все они не созданы, чтобы воспламенить воображение.

Прибавлю все²⁹; так, что, несмотря на ее девственную невинность, кружевница отметила Тибурция, как кавалера с хорошей фигурой и правильными чертами лица; она видела его много раз в соборе созерцающим «Снятие с креста» и объясняла его экстатическую позу избытком благочестия, очень похвальным для молодого человека. Перебрасывая шпульки, сна думала о незнакомце с площади Мейр и отдавалась невинным мечтам.

Однажды, под влиянием этих мыслей, она встала, не отдавая себе отчета в собственных действиях, подошла к зеркалу и долго смотрелась в него; она поглядела на себя en face, в три четверти, при всевозможном освещении, и нашла, — это, впрочем, была чистая правда, — что лицо ее шелковистой листа папиросной бумаги или лепестка камелии; что ее голубые глаза восхитительно прозрачны, зубы прелестны, ротик — как персик, а белокурые волосы — самого удачного оттенка.

²⁹ то есть с правом сидеть в присутствии короля. Это право присваивалось только очень знатным особам.

Впервые она заметила собственную юность и красоту, взяла белую розу из красивого хрустального бокала, приколотла ее к волосам и улыбнулась, увидев, как удивительно украсил ее простой цветок: родилось кокетство, за ним должна была последовать любовь.

Но мы уже давно покинули Тибурция: что делал он в гостинице «Брабантский герб», пока мы сообщали читателю все эти сведения о кружевнице? Он написал на красивом листке бумаги нечто, бывшее если не объяснением в любви, то, по меньшей мере, вызовом на дуэль, ибо на полу валялось множество исписанных, перечеркнутых листков, которые свидетельствовали о том, что это было очень важное послание, стоившее автору многих трудов. Закончив его, он надел пальто и снова направился на улицу Кипдорп.

Лампа Гретхен, звезда мира и труда, ласково светилась за окном, и тень молодой девушки, склоненной над требующей прилежания работой, вырисовывалась на прозрачном тюле. Тибурций, более взволнованный, чем вор, собирающийся повернуть ключ в замке, скрывающем сокровище, крадучись, подошел к решетке, просунул руку между прутьями и воткнул в мягкую землю горшка с гвоздикой уголок вшестеро сложенного письма, надеясь, что Гретхен не сможет не заметить его, как только утром откроет окно, чтобы полить цветы. Сделав это, он ушел так неслышно, словно подметки его были подбиты войлоком.

ГЛАВА IV

Болезненная желтизна угасающих фонарей уже побледнела в голубом и свежем утреннем свете. От Шельды шел пар, как от вспотевшей лошади, и день начал просачиваться сквозь разрывы тумана, когда окно Гретхен приоткрылось. Ее глаза были еще томно затуманены, а отпечатавшаяся на нежной щеке складка наволочки свидетельствовала, что она спала, не шевельнувшись, в своей девственной постели тем сном, тайну которого знает только юность. Ей захотелось посмотреть, как провели ночь ее дорогие гвоздики, и она накинула первое попавшееся платье; этот очаровательный и в то же — время скромный беспорядок в одежде чудесно шел к ней, и если можно себе представить богиню в чепчике голландского полотна, украшенного кружевами, и в пеньюаре из белой бумазеи, то мы бы вам сказали, что у нее был вид Авроры, открывающей врата востока. Это сравнение, может быть, слишком величественно для кружевницы, собирающейся полить садик, состоящий из двух фаянсовых горшков, но, конечно, Аврора была не такой свежей и румяной, во всяком случае — Аврора Фландрии, у которой всегда синева под глазами.

Гретхен, вооруженная большим кувшином, собиралась полить свои гвоздики, и пылкое признание Тибурция чуть — чуть не было затоплено отрезвляющими струями холодной воды; к счастью, белизна бумаги бросилась в глаза Гретхен, она выдернула письмо и была чрезвычайно удивлена его содержанием. Там было всего две фразы, одна на французском, другая на немецком языке; французская фраза состояла из двух слов: «Люблю тебя», немецкая из трех: «Ich liebe dich», что значит совершенно то же самое. Тибурций предвидел возможность того, что Гретхен понимает только свой родной язык; как видите, он был необыкновенно предусмотрительным человеком!

Действительно, стоило измарать больше бумаги, чем портил Малерб³⁰ для сочинения одного четверостишия, и выпить, якобы для возбуждения творческих сил, бутылку превосходного токайского, чтобы найти под конец столь новую и блестящую

³⁰ Малерб Франсуа де (1555–1628) — французский поэт и критик, один из основоположников классицизма.

мысль. Ну и что же! Несмотря на свою видимую простоту, письмо Тибурция было шедевром ловкости, если, впрочем, оно не явилось просто глупостью, что также вполне возможно. Ведь разве это не мастерской удар — уронить, словно каплю расплавленного свинца, прямо в ничем не замутненную душу эти два слова: «люблю тебя», и разве на том месте, куда они зшали, не должны были, как на поверхности озера, возникнуть бесчисленные лучи и концентрические круги?

Но что, по правде сказать, содержат самые пламенные любовные послания? Что остается от всех пузырей страсти, когда их прокалывают иглой рассудка? Все красноречие Сен — Пре³¹ сводится к одному слову, и Тибурций достиг огромной глубины, сосредоточив в этой короткой фразе всю цветистую риторику своих первоначальных черновиков.

Он же подписался; да и что могло сказать его имя? Он был чужестранцем в этом городе, он не знал имени Гретхен и, по правде сказать, не очень им интересовался. Так все казалось романтичней и таинственней. Даже самое скудное воображение могло создать на этом материале двадцать более или менее правдоподобных томов *in octavo*³². Был ли это эльф, чистый дух, влюбленный ангел, прекрасный воин, сын банкира, молодой лорд, пэр Англии и обладатель миллионной ренты или русский боярин, у которого фамилия кончалась на «офф», было много рублей и бесчисленное количество меховых воротников? Вот какие серьезные вопросы должно было неминуемо возбудить лаконически — красноречивое письмо. Обращение на «ты», как обычно обращаются к божеству, говорило о такой буре страсти, какой Тибурций совсем не испытывал, но которая могла произвести наилучшее впечатление на молодую девушку, ибо преуве

личение кажется женщинам гораздо более естественным, чем сама правда.

Гретхен ни минуты не сомневалась, что автором письма является молодой человек с площади Мейр; женщины никогда не обманываются в подобных вещах, у них есть инстинкт, великолепный нюх, которые заменяют светские привычки и знание страстей. Самая добродетельная девица разбирается во всем этом лучше, чем Дон — Жуан, вооруженный списком своих побед.

Мы обрисовали нашу героиню, как очень простодушную, очень невежественную и очень честную молодую девушку; но мы должны признаться, что она не почувствовала добродетельного негодования, которое должна бы ощутить женщина, получившая записку на двух языках, содержащую столь неприличное признание. Она почувствовала скорее что-то вроде удовольствия, и легкое розовое облако пробежало по ее лицу. Это письмо было для нее как бы свидетельством ее красоты; оно давало ей уверенность в себе и возможность занять подобающее место; это был первый взгляд, проникший в сумрак ее безвестности: она ведь жила так скромно и бедно, что никто не пытался за ней ухаживать. До сих пор на нее смотрели как на ребенка, Тибурций освящал в ней молодую девушку, она чувствовала к нему такую благодарность, какую должна была бы испытывать жемчужина к пловцу, нашедшему ее в грубой раковине под темным плащом океана.

Когда первое впечатление сгладилось, Гретхен испытала чувство, хорошо знакомое всем тем, кого в детстве держали в строгости и у кого никогда не было секретов; письмо мешало ей, словно дома у нее появилась мраморная глыба, она не знала, что с ним делать. Ей казалось, что в комнате нет таких темных уголков, таких непроницаемых тайников, где бы можно было спрятать его от чужих глаз; она

³¹ Сен — Пре — герой романа Ж. — Ж. Руссо «Новая Элоиза».

³² В восьмую долю листа (лат.).

положила письмо в ларчик со стопкой белья, но через несколько мгновений вытащила оттуда; письмо пылало сквозь стенки шкафа как микрокосм доктора Фауста на офорте Рембрандта. Гретхен стала искать другой, более надежный уголок. Барбаре могут понадобиться салфетки или простыни, и она обнаружит письмо. Она встала на стул и положила письмо на карниз своей кровати; бумажка жгла ей руки, как раскаленная пластинка железа. Барбара вошла, чтобы убрать комнату. Гретхен, приняв самый равнодушный вид, села на свое обычное место и принялась за вчерашнюю работу; но при каждом шаге, который Барбара делала в сторону кровати, Гретхен приходила в ужасное состояние: у нее стучало в висках, от страха горячий пот жемчужинками выступал на лбу, пальцы путались в нитях, и ей казалось, что невидимая рука сжимает ей сердце. Ей мерещилось, что у Барбары какое-то не свойственное ей беспокойное и подозрительное выражение лица. Наконец старуха, взяв корзинку, ушла на рынок. Бедная Гретхен вздохнула свободно.

взяла свое письмо и положила в карман, но вскоре вынула его; шелест бумаги пугал ее; она спрятала его на груди; ибо только сюда женщины кладут все, что их смущает. Корсет — это шкаф без ключа, это целый арсенал цветов, пряжей еолос, медальонов и чувствительных писем; это нечто вроде почтового ящика, куда опускают всю переписку сердца.

Почему Гретхен не сожгла этот ничтожный клочок бумаги, приводивший ее в такой ужас? Прежде всего, Гретхен за всю свою жизнь ни разу еще не испытала такого сильного волнения, она была одновременно испугана и восхищена, а потом, скажите, почему влюбленные упорно не хотят уничтожить письма, которые позже могут быть обнаружены и стать причиной их гибели? Ибо письмо — это душа, ставшая видимой: ведь страсть пронизала своим электрическим током этот ничтожный листок и дала ему жизнь. Сжечь письмо — значит совершить моральное убийство; в пепле уничтоженной корреспонденции всегда остаются частички двух душ.

Гретхен, следовательно, сохранила письмо в складке корсета, рядом с золотым крестиком, очень удивившись, что находится рядом с любовной запиской.

Будучи благовоспитанным молодым человеком, Тибурций дал своему объяснению в любви время оказать соответственное действие. Он не обнаруживал признаков жизни и не появлялся на улице Кипдорп. Гретхен начала беспокоиться, но в одно прекрасное утро она увидела в трельяже окна великолепный букет экзотических цветов — Тибурций прошел здесь, это была его визитная карточка.

Этот букет доставил много удовольствия юной кружевнице, уже привыкшей к мысли о Тибурции; ее самолюбие было втайне задето, когда Тибурций после столь пылко начала проявил так мало нетерпения; она взяла букет, наполнила водой один из красивых саксонских горшков, украшенных голубыми рисунками, развязала стебли и смочила их, чтобы цветы не так скоро увяли. Из-за этого она первый раз в жизни солгала, сказав Барбаре, что букет ей подарила дама, которой она носила кружева и которая знала о ее любви к цветам.

Днем Тибурций, под предлогом необходимости сделать карандашный набросок странных архитектурных украшений, неподвижно стоял перед домом; он оставался там очень долго, чертя остро отточенным карандашом по кусочку веленовой бумаги. Гретхен в свою очередь не проявляла признаков жизни — не шевельнулась ни одна складочка, не открылось ни одно окошко, дом, казалось, уснул. Забившись в угол, она могла с помощью зеркальца на окне рассмотреть Тибурция самым обстоятельным образом. Она увидела, что он был высок, хорошо сложен, имел весьма достойный вид, правильные черты лица, печальные и нежные глаза, грустное лицо. Все это ее очень тронуло, так как она привыкла к брабантским физиономиям — краснощеким и здоровым. Кроме того, Тибурций, не будучи ни светским львом, ни щеголем, обладал

природным изяществом и должен был показаться законченно fashionable³³ такой наивной молодой девушке, как Гретхен. На Гентском бульваре его бы сочли не более чем приличным; на улице Кип-дорп он был великолепен.

Среди ночи Гретхен с очаровательным ребячеством вскочила босая, чтобы посмотреть на букет: она окунула лицо в цветы и, целуя красные губы великолепного георгина, целовала Тибуция; она купалась в этих цветах, со страстью окуная голову в их пестрые волны, впивая долгими затяжками пьянящий аромат, раздувая ноздри так сильно, что почувствовала, как тает ее сердце и как томно закрываются глаза. Когда она выпрямилась, ее щеки блистали жемчужными капельками росы, а маленький прелестный носик, самым очаровательным образом перепачканный золотой пылью тычинок, приобрел красивый желтый цвет. Она вытерлась, смеясь улеглась в постель и заснула; вы сами понимаете, что героем всех ее снов был Тибуций.

А что же случилось за это время с Магдалиной «Снятия с креста»? Она по — прежнему царила, не имея соперниц, в сердце нашего юного энтузиаста, ибо у нее было одно преимущество перед самыми прекрасными женщинами: она была недостижима, с ней не могло быть ни разочарования, ни пресыщения. Она не могла раздосадовать вульгарными или смешными фразами. Она все время здесь, неподвижная, благоговейно сохраняющая ту совершенную позу, в которую ее замкнул великий мастер, уверенная в нетленности своей красоты и молчаливо повествующая миру о мечте великого гения.

М аленькая кружевница с улицы Кипдорп — действительно очаровательное создание; но линия ее плеча и руки далеко не так волниста и гармонична, в ней нет той могучей и в то же время пленительной силы. Как еще хрупки ее девичьи плечи, как бледны ее белокурые волосы по сравнению с необычными яркими тонами, которыми Рубенс согрел струящиеся волосы святой грешницы! Так думал Тибуций, прохаживаясь по набережной Шельды.

Но так как его любовь к женщине не могла жить и развиваться на картине, он принялся самым убедительным образом корить себя за свое необычное безумие. Он вернулся к Гретхен не без вздоха сожаления; он не любил ее, но, по крайней мере, она напоминала ему его мечту, как дочь напоминает обожаемую, но уже умершую мать. Мы не будем настаивать на подробностях этой связи, каждый может их легко себе представить. Случай, этот великий сводник, доставил нашим влюбленным самый естественный способ заговорить друг с другом. Гретхен, по своему обыкновению, отправилась с подружкой прогуляться на другой берег Шельды. Они гонялись за бабочками, плели венки из васильков, катались со стогов сена так долго и весело, что вечер наступил, и они не заметили, как паром сделал свой последний рейс. Они очень взволновались, чуть ли не залезали в воду, изо всех сил тонкими серебряными голосами крича, чтобы за ними приехали; но шальной ветерок относил их крики в сторону, и в ответ они слышали только нежную жалобу волны, набегающей на песок.

К счастью, Тибуций ехал вдоль берега в маленькой парусной лодке; он их услышал и предложил перевезти, на что подруга немедленно согласилась, несмотря на смущенный вид и стыдливый румянец Гретхен. Тибуций проводил ее домой и постарался устроить прогулку на лодке в следующее воскресенье с полного одобрения Барбары, которую очень расположило — к нему то, что он так часто посещал церковь и так благоговейно преклонялся перед «Снятием с креста».

Гретхен не очень сильно противилась Тибуцию. Она была настолько невинна, что не боролась, ибо даже не подозревала, что на нее покушаются; кроме того, она

³³ Великосветским (англ.).

любила Тибурция, ибо, хотя он разговаривал весело и высказывался обо всем с легкой иронией, она догадывалась, что он несчастен, а женщина инстинктивно стремится быть утешительницей; печаль притягивает женщину, как зеркало — жаворонка³⁴.

Хотя молодой француз был к ней очень внимателен и обращался с ней очень нежно, она чувствовала, что не обладает им всецело и что в его душе есть уголки, куда она никогда не проникнет. Какая-то тайная, всепоглощающая мысль, казалось, занимала его, он явно совершал частые путешествия в неведомый мир; его фантазия, увлекаемая невольными взмахами крыльев, каждую минуту отрывалась от земли, билась о потолок, как пленная птица, стремясь улететь в небесную лазурь. Нередко он целыми часами смотрел на нее со странной настойчивостью, то с удовлетворенным, то с недовольным выражением. Этот взгляд не был взглядом влюбленного. Гретхен не могла объяснить себе поведения Тибурция, но так как она была убеждена в его порядочности, то ни о чем не беспокоилась.

Тибурций, заявив, что имя Гретхен трудно произносить, окрестил ее Магдалиной; на эту замену она согласилась с удовольствием, находя тайное наслаждение в том, что ее любовник называет ее чуждым и таинственным именем, как если бы она была для него другой женщиной. Он так же часто ходил в собор, возбуждая свою манию бессильным созерцанием; в эти дни Гретхен несла ответственность за суровость Магдалины, расплачивалась за идеал. Он был ворчлив, раздражен, скучен, а добрая девушка приписывала это нервной болезни и слишком долгому чтению.

А между тем Гретхен — прелестная девушка, и ее стоит любить ради нее самой. Во всей Фландрии, в Брабанте и Геннегау не найти такой белой и свежей кожи, таких красивых белокурых волос; у нее пухлая и в то же время тонкая ручка с агатовыми ногтями, рука принцессы и — что редко бывает в стране Рубенса — маленькая ножка.

Ах, Тибурций, Тибурций! Ты хочешь обнять оживший идеал и поцеловать губы своей химеры — берегись; у химер, несмотря на их пышную грудь, лебединые крылья и блистающую улыбку, острые зубы и отточенные когти. Эти злые существа выпьют чистую кровь твоего сердца, и ты превратишься в сухую, выжатую губку. Не будь так неудержимо тщеславен, не пытайся заставить статуи сойти с пьедесталов и не обращай с мольбой к безмолвным полотнам: все твои художники и поэты были больны той же болезнью, что и ты; в мире, созданном богом, они хотели, подобно ему, стать творцами.

С помощью мрамора, краски, ритма они передали и запечатлели свою мечту о красоте: их работы — изображения не тех любовниц, которые у них были, а тех, которых они хотели иметь, и нечего искать их оригиналы на земле. Поди купи новый букет для Гретхен, красивой и милой девушки; брось мертвецов и призраки, постарайся жить с людьми этого мира.

ГЛАВА V

Да, Тибурций, как бы ты ни был удивлен, знай, что Гретхен намного выше тебя. Она не читала поэтов и не знает даже имени Гомера или Вергилия; жалобы Вечного Жида, Генриетты и Дамона, гравированные на дереве и грубо раскрашенные, составляют для нее всю литературу, если к этому прибавить латинский требник, который она добросовестно перелистывает каждое воскресенье; Виргиния³⁵ в своем раю магнолий и мирт знала не больше ее.

³⁴ Здесь говорится о способе охоты на жаворонков при помощи зеркала.

³⁵ Имеется в виду героиня романа Бернардена де Сен — Пьера «Павел и Виргиния».

Правда, ты отлично знаешь литературу. Ты постиг до самых глубин эстетику, мистику, пластику, архитектонику и поэтику; Марфурий и Панкрат³⁶ не обладали более подробным списком искусств и дисциплин, кончающихся на «ика». От Орфея и Ликофрона до последнего тома Ламартина впитал ты в себя все выкованные метры, все шеренги рифм, все отлитые в ту или иную форму строфы; от тебя не ускользнул ни один роман. Ты обозрел от края до края огромный мир фантазии; ты знаешь всех художников от Андре Рако де Канди и Бидзамано до господ Энгра³⁷ и Делакруа³⁸; ты изучал красоту у самых чистых источников; барельефы Эгины³⁹, фриз Парфенона, этрусские вазы, священные скульптуры Египта, греческое и римское искусство, готику и ренессанс — ты все проанализировал, все ощупал, ты стал чем-то вроде маклера красоты, у которого художники спрашивают совета, когда выбирают натурщицу, как советуются с конюхом, покупая лошадь. Конечно, никто лучше тебя не разбирается в физических качествах женщины, на этот счет ты можешь сравниться с афинскими скульпторами; но поэзия так поглотила тебя, что ты отрекся от природы, мира и жизни. Твои любовницы были для тебя только более или менее удавшимися картинами: красивых твоя любовь расценивала, как произведения Тициана, хороших — как модели Буше⁴⁰ или Ванлоо⁴¹, но тебя никогда не тревожил вопрос, трепетало ли и жило ли что-нибудь под этими внешними формами. Хотя у тебя доброе сердце, скорбь и радость кажутся тебе двумя гримасами, нарушающими спокойствие линий. Женщина для тебя только теплая статуя.

Ах, бедный мальчик, брось в огонь свои книги, разорви гравюры, разбей гипсовые слепки, забудь Рафаэля, забудь Гомера, забудь Фидия, раз у тебя не хватает мужества взяться за кисть, перо или резец; к чему тебе это бесплодное восхищение? Чем кончатся твои безумные порывы? Не требуй от жизни больше, чем она может тебе дать. Только великие гении имеют право быть недовольными мирозданием. Они могут смотреть прямо в глаза сфинксу, потому что способны разгадать его загадки. Но ты не великий гений; будь прост сердцем, люби тех, кто любит тебя, и, как говорил Жан — Поль, не проси ни лунного света, ни гондолы на Лаго Маджоре, ни свидания на Изола Белла.

Сделайся адвокатом — филантропом или швейцаром, направь свое честолубие на то, чтобы стать избирателем или капралом в своей роте; приобрети то, что в обществе называется положением, сделайся добрым буржуа. При этом слове, конечно, твои длинные волосы станут дыбом от ужаса, потому что ты так же презираешь буржуа, как немецкий бурш — филистера, военный — штатского и

³⁶ Марфурий и Панкрат — персонажи комедии Мольера «Брак поневоле» (1664), пародирующие философов — схоластов.

³⁷ Энгр Жан — Огюст — Доминик (1780–1867) — выдающийся французский художник и рисовальщик.

³⁸ Делакруа Эжен (1798–1863) — живописец, крупнейший представитель реализма во французском изобразительном искусстве.

³⁹ Эгина — остров в Сароническом заливе Эгейского моря, заселившийся еще во втором тысячелетии до н. э. Раскопки Эгины дали большое количество находок архаического периода; ценные скульптуры были найдены в храме Афайи (V в. до н. э.).

⁴⁰ Буше Франсуа (1703–1770) — французский художник.

⁴¹ Ванлоо — семья французских живописцев, нидерландцев по происхождению.

брамин — парию. Ты подавляешь беспредельным презрением всякого честного торговца, предпочитающего куплет водевиля терцине Данте и одетых в муслин красавиц модного портретиста оборванцу Микеланджело. Для тебя подобный человек ниже любого дикаря, а между тем есть и такие мещане, чья душа полна поэтического трепета, которые способны на сильную любовь и самопожертвование и испытывают чувства, недоступные тебе, ибо у тебя мозг поглотил сердце.

Посмотри на Гретхен, которая всю свою жизнь только поливала гвоздики и сплетала нити; в ней в тысячу раз больше поэзии, чем в тебе, господин артист, как теперь говорят: она верит, она надеется, она улыбается и плачет; одно твоё слово вызывает солнце и дождь на её очаровательном личике; вот она сидит в большом вышитом кресле у окна, в рассеянном свете дня, и делает своё обычное дело. Но как работает её юная головка! Как горит её воображение! Сколько воздушных замков она строит и разрушает! Вот она краснеет и бледнеет, ей жарко, ей холодно, как влюбленной из античной оды;

кружево выпадает из её рук, она слышит на плитках тротуара звук шагов, который распознала бы среди тысячи других с той остротой и проницательностью, которую страсть придает органам чувств; хотя ты и приходишь в назначенный час, тебя уже давно ждут. Весь день ты был единственным её занятием; она спрашивала себя: где он теперь? что он делает? думает ли обо мне в то время, как я думаю о нём? может быть, он болен, — вчера он мне казался бледнее обычного; когда он уходил, у него был грустный и озабоченный вид; не случилось ли с ним чего-нибудь? не получил ли он из Парижа неприятных новостей?.. И ещё, и ещё вопросы, все те, которые задает себе влюбленная женщина, охваченная благородной тревогой.

Для этой бедной девушки с таким щедрым сердцем переместился теперь весь центр существования: она дышит, она живет только тобой. Так изумительна тайна любовного перевоплощения, что её душа живет в твоём теле, её дух спускается к тебе и осеняет тебя; она бросилась бы наперерез шпаге, угрожающей твоей груди, — ведь каждый предназначенный тебе удар может убить её. И, однако, ты взял её лишь как игрушку, для тебя она кукла, которую можно одевать так или иначе по прихоти воображения. Чем ты заслужил такую любовь — бросил несколько взглядов, подарил несколько букетов и проникновенным тоном произнес несколько шаблонных фраз из романа. Быть может, более горячо любящий не достиг бы цели; ибо — увы! — чтобы внушить любовь, нужно самому её не чувствовать. Ты хладнокровно смутил навеки безмятежность её скромного существования. Поистине, маэстро Тибурций, обожатель белокурых красавиц и презирающий мещанство, ты совершил злое дело; очень жаль, что нам приходится тебе это говорить.

Гретхен не была счастлива: она чувствовала между собой и своим любовником невидимую соперницу, её охватила ревность; она стала следить за Тибурцием и убедилась, что он ходит только в свою гостиницу «Брабантский герб» и в собор на площади Мейр. Она успокоилась.

— Почему, — сказала она ему однажды, — вы всегда смотрите на святую Магдалину, поддерживающую тело спасителя на картине «Снятие с креста»?

— Она похожа на тебя, — ответил Тибурций.

Гретхен покраснела от удовольствия и побежала к зеркалу, чтобы проверить справедливость этого сравнения; она убедилась, что у неё влажные блестящие глаза, белокурые волосы, выпуклый лоб, весь абрис лица, как у святой.

— Так вот почему вы зовете меня Магдалиной, а не Гретхен и не Маргаритой, моим настоящим именем?

— Ну да, — смущенно ответил Тибурций.

— Я никогда не считала себя такой красивой, — сказала Гретхен, — но я ужасно рада — вы будете больше любить меня.

Спокойствие воцарилось на некоторое время в душе молодой девушки, и мы

должны признать, что Тибурций делал мужественные усилия, стремясь победить свою безумную страсть. Боязнь превратиться в маньяка охватила его; и, чтобы покончить с этим наваждением, он решил вернуться в Париж.

Прежде чем уехать, он напоследок пошел в собор и заставил своего друга сторожа открыть ставни «Снятия с креста».

Магдалина показалась ему более печальной и заплаканной, чем обычно; крупные слезы текли по ее побледневшим щекам; рот искривился горькой судорогой, синеватые тени окружали нежные, печальные глаза, солнечный луч сошел с ее волос, и во всем, во всей ее позе чувствовалось отчаяние и удрученность; можно было подумать, что она не верит больше в воскресенье своего возлюбленного. Действительно, на Христа падали в этот день такие мертвенные, зеленоватые тени, что невозможно было поверить, будто жизнь когда-нибудь может вернуться в это разлагающееся тело. Все другие персонажи картины разделяли эту боязнь; у них был тусклый взгляд, мрачное выражение лиц, и их нимбы бросали какие-то свинцовые отсветы: бледность смерти легла на это полотно, раньше казавшееся таким горячим и живым.

Тибурций был тронут выражением бескрайней печали, разлитой по лицу Магдалины, и его решение уехать поколебалось. Он предпочел приписать все это некоему сверхъестественному влиянию, чем игре света. Погода была хмурая, дождь чертил небо тоненькими струйками, и свет дня, с трудом пробиваясь сквозь воду и туман, просачивался через стекла, залитые дождем и иссеченные крыльями шквала. Но это объяснение было слишком простым, чтобы Тибурций согласился его принять.

— Ах! — сказал он, шепча строку одного из наших новых

— Ах, оживи, и будешь мной любима!

Почему ты только неосязаемая тень, навсегда прикрепленная к ткани этого полотна, навсегда плененная тонким слоем лака? Почему ты только призрак жизни и не можешь жить? Какой смысл в том, что ты прекрасна, благородна, возвышенна, что в глазах твоих — пламя земной и небесной любви, а на челе — сияющий ореол раскаяния, раз ты всего — навсего несколько мазков масляной краски, расположенных определенным образом? О прекрасная возлюбленная, обрати ко мне свой бархатный и одновременно сверкающий взгляд; грешница, сжалась над безумной страстью, ты, которой любовь открыла двери неба; выйди из рамы, выпрямись в своей длинной юбке зеленого атласа — ты уже очень давно стоишь на коленях перед священной Голгофой, — святые жены сохраняют тело и без тебя, и их будет достаточно на погребальном бдении.

Приди, приди, Магдалина! Еще не все ароматы пролила ты из кувшинов к ногам небесного владыки — в глубине ониксо вой чаши должно было остаться достаточно наряда и корицы, чтобы вернуть блеск твоим волосам, запачканным золой покаяния. У тебя будут, как прежде, жемчужные ожерелья, пажии- негры и покрывала из сидонского пурпура. Приди, Магдалина! Хотя ты умерла два тысячелетия назад, у меня достанет молодости и пыла, чтобы оживить твой прах. Ах! Призрак красоты, одну минуту держать тебя в объятиях, а затем — умереть!

Заглушенный вздох, слабый и нежный, как стон раненной насмерть голубки, прозвучал в воздухе. Тибурций подумал, что Магдалина ответила ему.

Но это была Гретхен: она спряталась за колонной, все видела, все слышала, все поняла. Что-то разбилось в ее сердце — она не была любима.

Вечером Тибурций пришел к ней, бледный и изнеможенный. Лицо Гретхен покрывала восковая бледность. Пережитое утром стерло краски с ее лица, как пыльцу с крыльев бабочки.

— Завтра я уезжаю в Париж; хочешь поехать со мной?

— И в Париж и куда угодно; куда вы хотите, — ответила Гретхен. В ней, казалось, угасла воля. — Разве я не буду несчастной повсюду?

Тибурций бросил ей светлый и глубокий взгляд.

— Приходите завтра утром, я буду готова; я отдала вам сердце и жизнь. Располагайте вашей служанкой.

Она пошла с Тибурцием в «Брабантский герб», чтобы помочь ему подготовиться к отъезду; уложила его книги, белье и гравюры, потом вернулась в свою маленькую комнату на улице Кипдорп. Она не разделась, а как была, так и бросилась на кровать.

Неодолимая грусть овладела ее душой; все кругом казалось тоже охваченным печалью; букеты увяли в вазочках синего стекла, лампа трепетала, бросая бледные, прерывистые лучи; Христос слоновой кости склонял свою скорбную голову на грудь, и освященный самшит казался кипарисной веткой, смоченной святой водой.

Маленькая Мадонна ее комнатки как-то странно смотрела своими эмалевыми глазами, а ветер так нажимал коленом на стекла окон, что свинцовый переплет стонал и трещал.

Самые тяжеловесные предметы, самые незначительные вещички, казалось, выражали сочувствие и понимание; они горестно потрескивали, издавая душераздирающие звуки. Кресло протягивало свои опустевшие объятия; плющ с трельяжа безо всякого Стеснения просунул зеленую ручку через разбитое стекло; котелок жаловался и плакал среди золы очага; занавеси постели свисали еще более вяло и уныло, чем обычно; вся комната, казалось, понимала, что она теряет свою юную хозяйку.

Г ретхен позвала заплаканную старую служанку, передала ей ключи и доверенность на получение своей маленькой ренты, потом открыла дверцу клетки и вернула свободу двум маленьким горлицам цвета кофе с молоком.

На следующий день она вместе с Тибурцием уехала в Париж.

ГЛАВА VI

Квартира Тибурция очень удивила молодую жительницу Антверпена, привыкшую к фламандской суровости и педантизму. Эта смесь роскоши и небрежности ставила ее в тупик. Так, светло — красная бархатная скатерть была брошена на плохонький, хромой стол; у великолепных канделябров самого изысканного вкуса, подходящих бы даже для будуара королевской любовницы, были розетки самого обыкновенного стекла, к тому же растрескавшиеся от пламени сгоревшей до основания свечи. Очень дорогая пузатая китайская ваза чудесного фарфора была пробита посредине ударом ноги и провололочные швы скрепляли на ней звездообразные трещины; редкие гравюры, притом самые первые оттиски, были приколоты к стене булавками; современный греческий колпак украшал античную Венеру, и тысячи разнообразных предметов — турецкие трубки, наргиле, кинжалы, ятаганы, китайские и индийские туфли — загромождали стулья и этажерки.

Заботливая Г ретхен не успокоилась, пока все это не было вымыто, повешено, снабжено подписями; как бог создал мир из хаоса, так же и Г ретхен создала из этого нагромождения очаровательный уголок. Тибурций, привыкший к своему беспорядку и отлично знавший, где что искать, сначала растерялся, но затем привык. Вещи, которые он бросал как попало, чудесным образом опять оказывались на месте. В первый раз в жизни Тибурций понял, что такое удобства. Как все люди с большим воображением, он пренебрегал мелочами. Дверь его комнаты была позолочена и покрыта арабесками, но у нее не было валика; как настоящий дикарь он любил роскошь, но не удобства. Он вполне мог бы, как восточные люди, носить одежды из золотой парчи, подбитые простой мешковиной.

Хотя, казалось, Тибурций вошел во вкус новой жизни, более упорядоченной и, разумной, все же он был часто печален и озабочен. Он проводил целые дни на диване, обложенный с двух сторон подушками, не произнося, ни слова, закрыв глаза

и опустив руки. Гретхен не смела ни о чем расспрашивать, так как боялась его ответа. Сцена в соборе запечатлелась в ее сознании скорбным, неизгладимым воспоминанием.

Тибурций все время думал о Магдалине из Антверпена — издали она казалась еще более прекрасной, она стояла перед ним, как сверкающее видение. Некое идеальное солнце осыпало ее волосы золотыми лучами, платье надето было изумрудной прозрачностью, плечи блистали паросским мрамором.

Ее слезы высохли, юность расцвела пушком ее румяных щек; она, казалось, совсем утешилась после смерти Христа и, как то небрежно поддерживая его синеватую Ногу, поворачивала голову к своему земному возлюбленному. Строгие контуры святости смягчались, растекаясь волнистыми линиями; из под облика кающейся вновь проступила грешница; ее шарф развевался свободней, юбка вздымалась более соблазнительными, суетно — мирскими складками, руки любовно раскрывались, точно готовясь захватить сладострастную добычу. Великая святая превращалась в куртизанку, искусительницу. Если бы Тибурций жил в более суеверную эпоху, он увидел бы во всем этом какие то темные происки того, кто бродит по свету, *quaerens quern devoret*⁴²; он подумал бы, что когти дьявола впились ему в плечо, что он по — настоящему и полностью околдован.

Как могло быть, чтобы Тибурций, любимый молодой девушкой, очаровательной, простодушной, с чутким сердцем, красивой, невинной, обладающей теми подлинными дарами, которые получаешь от бога и не приобретешь ни за какие деньги, упрямо преследовал безумную химеру, неосуществимую мечту, и как его мысль, вообще такая четкая и действенная, могла дойти до такого глубокого заблуждения? Это бывает очень часто. Разве каждый из нас в своем кругу не был тайно любим каким то скромным сердцем, стремясь в то же время к иной, более возвышенной любви? Разве нам не случалось растоптать нежно пахнущую бледную фиалку, когда мы шли, устремив взор на блестящую и холодную звезду, бросающую нам насмешливый взгляд из глубины вечности? Разве бездна не притягивает и невозможное не имеет своего обаяния?

Однажды Тибурций вошел в комнату Гретхен с пакетом в руках — он вынул оттуда юбку и корсаж зеленого шелка по старинной моде, старомодную кофточку и нитку крупного жемчуга. Он попросил Гретхен одеться в этот наряд, который чудесно пойдет к ней, и всегда носить его дома; в качестве объяснения он добавил, что очень любит костюмы XVI века и, уступив этой его фантазии, она доставит ему огромное удовольствие. Вы, конечно, понимаете, что молодую девушку не приходится долго упрашивать, чтобы она померила новое платье: Гретхен быстро переделалась, и, когда вошла в гостиную, Тибурций не мог не вскрикнуть от удивления и восторга.

Он только счел нужным изменить кое что в ее прическе, и, освободив волосы от зубцов гребенки, он расположил их пышными локонами по плечам Гретхен так же, как у Магдалины на картине «Снятие с креста». Затем он придал иное расположение складкам на юбке, распустил шнуровку корсажа, снял слишком топорщившуюся и чересчур накрахмаленную кофточку и, отступив на несколько шагов, стал созерцать свое творение.

Вы, конечно, видели на каком то особом спектакле так называемые живые картины. Выбирают самых красивых актрис театра, одевают и ставят так, чтобы воспроизвести известную картину. Тибурций создал шедевр этого жанра — можно было подумать, что перед нами кусок полотна Рубенса.

Гретхен сделала движение.

— Не шевелись, ты изменишь позу; так замечательно хорошо! — умоляюще

⁴² Ища, кого бы пожрать (лат.).

воскликнул Тибурций.

Бедная девушка повиновалась и стояла несколько минут неподвижно. Когда она повернулась, он заметил, что ее лицо залито слезами.

Тибурций понял, что она все знает.

Г ретхен молчала, слезы текли по ее щекам без удержу, без усилий, жемчужины скатывались из переполненной чаши ее глаз, чудесных голубых цветков, прозрачных как небо: печаль не могла исказить гармонии ее лица, и эти слезы были прекрасней иных улыбок.

Г ретхен вытерла их тыльной стороной руки и, облокотившись на ручки кресла, сказала каким-то размягченным голосом, полным глубокого волнения:

— О! Тибурций, как я из-за вас страдаю! Необычная ревность терзает мое сердце; хотя у меня нет соперницы, я все же обманута, вы все же изменили мне: вы любите нарисованную женщину, ей принадлежат ваши мысли, ваши мечты, она одна кажется вам прекрасной, вы не видите в мире никого, кроме нее; погруженный в это безумное созерцание, вы даже не замечали, что я плачу. А я-то одно мгновение считала себя любимой, когда была всего лишь двойником, всего лишь слепком вашей любви! Я знаю, в ваших глазах я только невежественная девчонка, говорящая по — французски с таким немецким акцентом, что это вызывает у вас смех; мое лицо нравится вам только как воспоминание о вашей идеальной возлюбленной; для вас я лишь красивый манекен, который вы одеваете по прихоти своего воображения. Но, уверяю вас, манекен страдает и любит...

Тибурций попытался прижать ее к сердцу, но она высвободилась и продолжала:

— Вы говорили мне восхитительные слова любви, вы говорили, что я красива, что на меня приятно смотреть, вы хвалили мои руки, твердя, что даже у феи нет таких тонких, милых ручек. Вы говорили, что мои волосы дороже золотого плаща принцессы, что ангелы спускаются с небес заглянуть в мои глаза и найти в них свое отражение, и при этом так долго задерживаются, что на них за это сердится господь бог; и все это говорилось таким ласковым и проникновенным голосом, так правдиво, что самые опытные женщины обманулись бы. Увы, 65, мое сходство с Магдалиной на картине разжигало ваше воображение и наделяло вай этим искусственным красноречием; она отвечала вам моими устами; я давала ей жизнь, которой у нее нет, и нужна была вам для того, чтобы иллюзия стала полнее. Но если вы получили хоть несколько мгновений счастья, я прощаю вам то, что вы заставили меня играть эту роль. В конце концов, вы не виноваты, что не умеете любить, что вас манит только невозможное и вы не хотите того, чего можете достичь. Вы самонадеянны, как влюбленный, но обманываетесь в самом себе: вы никогда не будете любить. Вам нужно совершенство, идеал и поэзия, а всего этого не существует. Вместо того чтобы любить женщину за любовь к вам, быть ей благодарным за преданность, за дар ее души, вы все время думаете, похожа ли она на гипсовую Венеру, стоящую у вас в кабинете. Горе ей, если линия ее лба не соответствует желанным очертаниям. Вас волнует гладкость ее кожи, оттенок волос, тонкость запястий и лодыжек, но к сердцу ее вы равнодушны. Вы не влюбленный, мой бедный Тибурций, вы всего- навсего художник. То, что вы приняли за страсть, было только восхищением формой и красотой; вы влюблены в талант Рубенса, а не в Магдалину. Неосознанное призвание художника смутно шевелится в вас и вызывает беспорядочные порывы, над которыми вы не властны. Отсюда все извращения вашей фантазии. Я поняла это потому, что я вас люблю. Гений женщин — в любви, их ум не поглощен эгоистическим созерцанием! С тех пор как я здесь, я пересмотрела ваши книги, перечитала ваших поэтов, я сделалась почти ученой. Повязка слетела с моих глаз. Я постигла много такого, о чем не подозревала. И поэтому я могу яснее читать в вашем сердце. Вы когда-то рисовали, возьмитесь снова за кисть. Вы запечатлеете свои мечты на полотне, и все ваши бурные переживания утихнут сами собой. Если я не смогла стать

вашей возлюбленной, то, по крайней мере, буду вашей натурщицей.

Она позвонила и велела слуге принести мольберт, полотно, краски и кисти. Когда слуга все приготовил, целомудренная девушка с великолепным бесстыдством сбросила с себя одежды и, приподняв волосы, как Афродита, выходящая из моря, выпрямилась, освещенная сияющим лучом солнца.

— Разве я хуже вашей Венеры Милосской? — спросила она с очаровательной гримаской.

Через два часа с полотна глядела почти живая голова, в восемь дней все было кончено. Разумеется, картина отнюдь не была совершенством, но тонкое чувство изящества, чистота линий, исключительная мягкость тона, благородная простота композиции делали ее примечательной, особенно для знатоков. Стройная белая светловолосая фигурка, легко выделяясь на лазури неба и моря, являясь миру обнаженной и улыбающейся, сохраняла отблеск античной поэзии и вызывала в памяти цветущие времена греческой скульптуры.

Тибурций больше не вспоминал об антверпенской Магдалине.

— Ну как, — сказала Гретхен, — вы довольны вашей натурщицей?

— Когда назначить церковное оглашение? — ответил Тибурций.

— Я буду женой великого художника, — сказала она, бросившись на шею своему любовнику, — но не забудьте, милостивый государь, что это я открыла ваш талант. Нашел этот алмаз не кто иной, как я, маленькая Гретхен с улицы Кипдорп